

09 00 00 ИЛМҲОИ ФАЛСАФА
09 00 00 ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
09 00 00 PHILOSOPHICAL SCIENCES

09 00 03 ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ
09 00 03 HISTORY OF PHILOSOPHY

УДК 1/14
ББК 87.3

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ИДЕЙ
«ШАХНАМЕ» АБУЛКАСИМА
ФИРДОУСИ

Атоев Атоулло Мухторович,
к.ф.н, доцент, заведующий кафедрой
философии ХГУ им. акад. Б. Гафурова
(Таджикистан, Худжанд)

CULTURAL SPACE OF
OUTLOOK IDEAS IN
«SHAKHNAME» BY
ABULKOSIM FIRDAWSI

Atoyev Atouullo Mukhtorovich,
chief of the department of philosophy under
KSU named after acad. B. Gafurov, candidate
of philosophical sciences, Associate Professor
(Tajikistan, Khujand)
E-MAIL: Otella64@mail.ru

Ключевые слова: национальный эпос, мировоззрение, культурное пространство, территория, интерпретация, идентичность

В статье анализируется влияние элементов культурной символики величайшего персo-таджикского эпоса «Шахнаме» на формирование культурной идентичности народов, живущих на обширном пространстве Востока. Автор подчеркивает, что, несмотря на значительные изменения в интерпретации символов и даже их переосмысление, разность ассоциаций, возникающих в связи с последствиями действий и характеров главных героев, в понимании влияния места обитания (гора и долина) на характер и судьбу людей, понятия добра и зла, в той или иной степени эти народы идентифицируют себя с культурным и историческим контекстом, изображенным Фирдоуси.

События и люди в интерпретации Фирдоуси символизируют любовь к Родине, ее природе, сложные переплетения сил добра и зла, вызывая либо симпатию, либо антипатию, и заставляют отождествлять себя с теми позитивными образцами поведения, которые выработаны на основе тысячелетнего опыта. В этом видит автор уникальность «Шахнаме», и её силу в формировании мировоззрения и идентичности не только собственно иранских народов, но ее сохраняющееся влияние на более широкое культурное пространство Востока.

Key words: national epos, outlook, cultural space, territory, interpretation, identity

The author of the article analyzes the influence of the elements of cultural symbolics related to the greatest Persian-Tajik epos «Shahname» over a formation of the cultural identity of the peoples inhabiting the broad space of the East.

The author lays an emphasis upon the fact that in spite of considerable alterations in the interpretation of symbols and even their recomprehension, a variety of associations rising in connection with the consequences of both actions and characters of protagonists in reference to the understanding of the influence of the place of inhabitation (mountain and valley) on the character and fate of people; notions of good and evil, in a varying degree these peoples identify themselves with cultural and historic context of Firdawsi's depiction.

Events and people in the interpretation of Firdawsi symbolize love for Motherland, its nature, complicated intertwining forces of both good and evil, causing either sympathy or antipathy; they make identify themselves with those positive patterns which are elaborated on the grounds of millennium experience.

Just in it the author sees «Shahname» uniqueness, its force in the formation of outlook and identity not only of Iranian peoples, but its preserving influence upon much broader cultural space of the Orient either.

Мировоззрение народа и его идентичность имеют свои истоки и многообразие проявлений. Качественный состав иных элементов культуры может играть незаменимую роль при формировании мировоззрения народов и определять их идентичность на большом пространстве и времени их бытия.

К числу таких качественных элементов культуры персоязычных народов относится «Шахнаме» Абулкасима Фирдоуси.

В этой связи анализ влияния элементов культурной символики величайшего персотаджикского эпоса «Шахнаме» на формирование мировоззрения и культурной идентичности народов, живущих на обширном пространстве Востока, имеет большое научное значение.

Дело в том, что, несмотря на значительные изменения в интерпретации символов и даже их переосмысление, разность ассоциаций, возникающих в связи с последствиями действий и характеров главных героев, в понимании влияния места обитания (гора и долина) на характер и судьбу людей, понятия добра и зла, многие восточные народы в той или иной степени идентифицируют себя с культурным и историческим контекстом, изображенным Фирдоуси.

Абулкасим Фирдоуси творил в период, когда происходила активация плеяды персотаджикских гениев. Творчество каждого из них невозможно представить отдельно друг от друга. Не только социально-политические обстоятельства и условия формировали такой взлет, но и диалог между этими центрами, идеями создавал условия для встречи новых идей и развития общей культурной и интеллектуальной атмосферы творческой свободы на пространстве мусульманского мира. Несмотря на то, что «Шахнаме» Фирдоуси относится к XI веку, это произведение продолжает оказывать серьезное идентификационное влияние не только на Иран, но и на Пакистан и Афганистан, не исключая всю Центральную Азию, и в особенности Таджикистан.

В течение почти тысячелетия персидская культурная и языковая традиция была доминирующей на индийском полуострове. Административным языком этого региона был персидский. Только после колонизации Индии Великобританией персидский язык был вытеснен английским языком, что стало началом ослабления влияния индо-персидской

культуры в этом регионе. В особенности это стало очевидным после национального разделения в 1947 году между Индией и Пакистаном.

В этом контексте современные исследователи подчеркивают, что ««Шахнаме» играет роль «архетипов» в персидском сознании, которые подчеркивают психологические коллективно-бессознательные модели поведения в случаях победы, поражения, надежды и отчаяния, рождения и смерти (6).

Самые серьезные семантические изменения в понимании и интерпретации символов «Шахнаме» произошли сегодня на границе интерпретационного конфликта между Пакистаном и Афганистаном, в особенности в отношении главного символа «Шахнаме» – Рустама. Интересно, что он представлен на миниатюрных картинах скорее в образе демона (7), нежели как идеальный рыцарский образ.

«Такая интервенция и переосмысление значения образа Рустама, - отмечает Суруш Ирфани, - «от создателя до разрушителя человеческой жизни и ценностей, является лейтмотивом у художника - миниатюриста Кадима Али в его сериях картинных изображений Рустама» (7) началась с момента, как он посетил движение Талибан в Афганистане в марте 2001г. Интересно, что афганские талибы, которые известны как противники Ирана и персидской культуры, идентифицируют себя с Рустамом и соотносят, таким образом, свое поведение с ним как с идеальной моделью.

Фактически мифологическая история Ирана у Фирдоуси соприкасается с реальными географическими областями мира, начиная с распределения областей мира, которые были подконтрольны Ирану. Это распределение начинается с момента распоряжения, которое дает Фаридун своим трем сыновьям: Сельму, Туру и самому младшему- Ираджу.

Безусловно, Фирдоуси, помимо мифологических представлений о расположении различных государств, уже был знаком с новыми открытиями, которые были связаны с развитием географических открытий в мусульманском мире. Однако Фирдоуси все же следует мифологической или, можно даже сказать, - авестийской традиции, которая рассматривала расположение территорий сквозь призму срединного расположения самого Ирана.

Предоставляя сыновьям территориальное политическое правление, Фаридун исходит из положения о трехчастном делении мира: середина (Иран), Запад (Рум), которая отражала территории, связанные с Арменией и Ираком, и Восток, который включал в себя Туран и Чин (Китай).

Фаридун отдает первенство Ираджу потому, что именно он сохранил баланс и решимость в своих действиях, чего не хватило его братьям в момент испытания их на прочность, которое провел Фаридун. Сельм был осторожен и хитер в вопросе о выживании, и поэтому ему был дан Рим и Запад; Тур был, напротив, безрассуден и импульсивен – и ему были отданы восточные части Турана и Чина, где он должен был возглавить правление над туранцами. И только Ирадж в ходе испытания обнаружил баланс между осторожностью и безрассудством двух братьев, за что и получил в правление Иран, символизирующий срединное географическое положение, балансирующее между двумя другими частями.

После гибели Ираджа территория Турана и Чина (Китай), где было совершено убийство Ираджа, превратилась в территорию Ахримана. Фирдоуси, упоминая территорию Турана, не забывает постоянно добавлять термин «Ахриман».

Можно сказать, что на этом центральном пространстве сопрягаются вертикальное и горизонтальное измерения. Не случайно Иран, доставшийся Ираджу, находится в центре между западным и восточным миром. В этой связи стоит согласиться с М. Шукуровым,

который, применяя метод Юрия Лотмана в отношении анализа текста, отмечает: «Именно в центре мира, на пересечении горизонтальной и вертикальной осей происходят основные конфликты повествования «Шахнаме». В связи со сказанным следует отметить, что интерпретация подобных сюжетов, действие которых происходит в конфликтной зоне – центре мира, заметно упрощается, поскольку основные семантические характеристики (верх-низ, божественное – человеческое, свет-мрак и т.д.) могут быть легко наполнены соответствующим символическим содержанием»(5).

Прохождение через центральную ось дает возможность герою выйти в другое пространственное измерение и даже изменить личностные характеристики и судьбу.

Место заточения Зоххака имеет символическое значение. Когда Фаридун возносит булаву над головой Зоххака, слышится голос Соруша, символизирующего слово света Ахура Мазды, который предупреждает Фаридуна о том, что еще не настал час смерти Зоххака. Его нужно, продолжает Соруш, распять в оковах между двумя горами.

*«С Зоххаком добрался до горных вершин;
Связав еще крепче, его поволок,
Злодей в одиночестве с этой поры
Остался прикованным в сердце горы.
Зияла там пропасть, глуха и мрачна;
Взглянув, Фаридун не увидел в ней дна» 4(80).*

Распятие между двумя скалами имеет важное символическое значение для Фирдоуси. Мало победить зло или противника, главное – разрушить это имя в прах. Люди должны помнить, что зло живо и оно может в любой момент выйти наружу. Живой Зоххак есть напоминание людям о том, к чему может привести забвение света и правды.

В народных преданиях Ирана до сих пор существуют мотивы о том, «что стоны до сих пор слышны Зоххака из того места, где он был заточен. При этом «Эльборз» (Эльбрус) восходит к авестийскому слову «Berezato Naigi» (высокая гора), которая занимает важное место в космологических преданиях иранцев. Гора Эльборз являлась местом отдыха солнца, луны и созвездий, а также началом пути в обитель блаженства»(1). Можно предположить, что Зоххак был специально распят прямо на пути к проходу блаженства и рая, тем самым постоянно напоминая ему о том, что было им потеряно, когда он предал забвению путь к правде и свету.

В греческой мифологии две скалы символизировали Сциллу и Харибду, которые то сближались между собой, то расходились. Только герою Тесею удалось пройти сквозь этот проход. Данный символ определял способность героя находить баланс между страхом и мужеством, эмоциями и разумом и т.д. Тот, кто не способен находить данный баланс, становится жертвой этих скал и таким образом не реализует свои самые заветные цели.

Необходимо отметить, что при правлении Гоштаспа появляется имя Зороастра, который прибывает к нему и добивается, что Гоштасп принимает зороастрийскую веру нового пророка. Сын Гоштаспа Исфендиар распространяет эту веру на всем пространстве Ирана.

М. Шукуров верно отмечает идеи Лотмана и Успенского о том, что «пространство обладает способностью «моделировать» иные непространственные (семантические, ценностные и пр.) отношения» (5). В этой связи Шукуров в разделе об организации пространства и времени на примере «Шахнаме» указывает, что «художественное пространство в «Шахнаме» предстает перед читателем как цепь автономных и разнокачественных пространственно-временных континуумов. При этом он упоминает об особом стилистическом изображении гор в иллюстративной традиции восточного

средневековья и связывает символическое содержательное изображение данной иллюстративной традиции с историческим и культурным контекстом, когда горы ассоциировались с хаосом и местом для обитания дивов или темных сил»(5).

*Тогда Кеюмарс повелителем стал;
Высоко в горах он сперва обитал;
Там счастье обрел и державный удел,
Себя и мужей в шкуры барсов одел.
С тех пор стали люди умнеть и умнеть,
Все обновилось – одежда и снедь» 4 (23).*

Именно в горах Хушанг (внук Кеюмарса) находит секрет огня, который является матрицей культуры и религии иранского духа, на котором, собственно, и выстраивается религиозная доктрина зороастризма.

Шах Джемшид при распределении сословий священников (кутузи) распределяет в горы.

*«Священников, тех, что зовем картузе,
Кто в мире избрал благочестья стези,
Джемшид отделил от сословий других,
Обителью горы назначил для них;
И там пребывают они, в небеса
Моления и вздохи свои вознося» (4, с.36).*

Горы, действительно, являются местом, где сопрягается рождение борьбы света и тьмы, добра и зла. Даже у Ф. Ницше в его самом известном философском произведении «Так говорил Заратустра», Заратустра все самое чистое, возвышенное и духовное получил именно высоко в горах, куда он уходил из долины для того, чтобы набраться силы и духовной мощи с тем, чтобы вновь возвратиться в долину для возвещения истины»(2).

Интересно, что когда Зоухак был повержен, его не убили, а распяли на горе Эльборз по приказу Соруша.

И самое интересное то, что в «Шахнаме» обнаруживается не только чисто эстетическое наслаждение природой, но и прагматическое отношение к ней, уважение к природным стихиям, облагораживание и следование им с целью получения большей урожайности, продуктивности, орошения и т.д.

Воспевание прекрасного в природе сопровождается у Фирдоуси любовью к своей родине и патриотическим отношением к своей земле. Это особо ярко отражено в словах Нушинравона, который, обходя свои владения (дворцы, степи, озера, реки и т.д.) и восторгаясь ими, восклицает, «что если царь действительно мудрый, он не должен допускать врагов к своей земле, чтобы они уничтожали ее красоту, топтали поля, сады, луга копытами лошадей. Он повелел повсюду в Индии и Руме, по всей стране, разыскать мастеров, с тем чтобы они возвели высокие стены вокруг Ирана, чтобы враг не ступил на землю Ирана и не увез богатства, не обижал дехканина – землепашца и не уничтожил красоту земли» (3).

Природа и земля становятся маркерами определения идентичности человека, его эстетического и даже этического поведения.

События, люди в интерпретации Фирдоуси символизируют любовь к Родине, ее природе, сложные переплетения сил добра и зла, вызывая либо симпатию, либо антипатию, заставляют отождествлять себя с теми позитивными образцами поведения, которые выработаны на основе тогдашнего тысячелетнего опыта.

В этом видит автор уникальность «Шахнаме» и ее силу в формировании мировоззрения и идентичности не только собственно иранских народов, но ее сохраняющее влияние на более широкое культурное пространство Востока.

Список использованной литературы:

1. *Комментарии к.кн.: Фирдоуси А. Шахнаме.-Т.1.М.:Изд-во АН СССР,1974.-390 с.*
2. *Ницше Ф. Сочинения в 2 х-т. Пер.с нем; Сост., ред. и авт. примеч. К.Асысян.-М.: Мысль,1990. -829 с.*
3. *Фирдоуси А. Шахнаме. В 9-ти томах.-Душанбе: Адиб,1987-1991. – 675 с.*
4. *Фирдоуси А. Шахнаме. - Т1. –М.: Изд-во. АН СССР, 1975. -421 с.*
5. *Шукуров М. «Шах-наме» Фирдоуси и ранняя иллюстративная традиция. -М.: Наука,1983. -С.80.*
6. *Mansoor Rastgar Fasssai. – Farhange Nam'ha'ye Shahnama. 2 vols. – V 1.Tehran: Cultural Studies and Research Institute. Ministry of Culture and Higher Education. 1990. – P.35.*
7. *Рисунок 1. На стр. 36. В кн.: [Soroush Irfani. – Shahname: The Other Story || Painting the Persian Book of Kingstory. Ancient Text and Modern Images. – London, Cambridge UK, Published by Talking Tree Books. 2010.]*

Reference Literature:

1. *Commentaries to the book: Firdawsi A. Shahname. V.1. – M.: USSR Academy of Sciences, 1974. – 390 pp.*
2. *Nitsshe F. Compositions. In 2 volumes. Translation from German; compiler, editor and aurhor of footnotes K. Asyasyan. – M.: Thought, 1990. – 829 pp.*
3. *Firdawsi A. Shahname. In 9 volumes. - Dushanbe: Man-of-Letters, 1987 – 1991. – 675 pp.*
4. *Firdawsi A. Shahname. V.1. – M.: USSR Academy of Sciences, 1975. – 421 pp.*
5. *Shukurov M. «Shahname» by Firdawsi and Early Illustrational Tradition. – M.: Science. 1983. – pp. 80.*
6. *Mansoor Rastgar Fasssai. – Farhange Nam'ha'ye Shahnama. 2 vols. – V 1.Tehran: Cultural Studies and Research Institute. Ministry of Culture and Higher Education. 1990. –p. 35.*
7. *Drawing 1. On page 36. In the book: [Soroush Irfani. – Shahname: The Other Story || Painting the Persian Book of Kingstory. Ancient Text and Modern Images. – London, Cambridge UK, Published by Talking Tree Books. 2010.]*